

О «поддельных цветах»

Грустное, а порой забавное зрелище представляет собой тверская «литературная политика». Причина тому «ценностные ориентиры» доминирующих кланов и приближенной к ним «творческой интеллигенции». Люди ещё ходят по инерции в областную библиотеку на «Неделю тверской книги», но всё меньше представляется на ней серьёзных изданий. Вручаемая областной администрацией литературная премия им. М. Е. Салтыкова-Щедрина растратила авторитет. Вручают её за труды, далёкие от острой правды жизни, которую живописал бывший тверской вице-губернатор.

В 2016 году она досталась краеведу Борису Ершову за книгу «Всем миром мы вернули Тверь». Перу самого автора в ней принадлежит лишь вступительная статья, остальное – воспоминания 17 жителей города, проявивших активность при возвращении областному центру исторического имени. Собственно, литературного творчества как такового и нет. Ершов выступает составителем, хотя на титульной обложке обозначен как автор. Заметим, Борис Александрович – один из самых титулованных в Тверской области литераторов (премию М. Е. Салтыкова-Щедрина получил вторично, плюс высшую награду области – Крест князя Михаила Тверского), хотя стиль его письма мало чем отличается от стиля банальной канцелярской справки. «Творческий» уровень Ершова наглядно отражают и вышедшие под его редакцией «очерки известных людей Твери XX–XXI века» под названием «Мы сделали своё дело. Очередь за вами» (ОАО «Тверское княжество»), представляющие собой развёрнутые биографические справки. Названия соответствующие: «Оставить по себе добрую память», «Ветеран тверской электроэнергетики», «Полиграфист на всю жизнь», «Залог успеха в жизни», «Генерал, укрепивший тверскую милицию», «Строитель современной инфраструктуры региона», «Организатор. Работа на результат», «Укротитель» техники», «У каждого из нас своя судьба».

Борис Ершов не член СП РФ, однако губительная «литературная политика» не обошла стороной и местное писательское сообщество. Когда-то на слуху в Твери были писатели, публицисты, поэты общероссийского уровня Иван Васильев, Юрий Красавин, Михаил Петров, Александр Гевелинг, Михаил Суворов, Владимир Соловьёв, Константин Рябенский, Евгений Сигарев. Сейчас имён подобной значимости у нас нет. Зато на первый план вышли графоманы с писательскими билетами, что отметил в своей публикации «Апофеоз вкусовщины», посвящённой недавно вышедшей антологии тверской поэзии, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Тверского государственного университета Александр Бойников.

В частности, критик замечает: «...в сем пестром собрании нашлось место таким виршам пригретого Москвой Евгения Карасева:

«И знаете, что выдал жохам конченным?
Сосите хрен у пьяного ёжика!» (с. 155)».

Представлена в альманахе и верхушка правления ТРО СПР В. Редькин, О. Горлов, Н. Лосева. Александр Бойников подчёркивает: «Все они – члены Союза писателей РФ, и это в его тверском отделении считается единственным признаком таланта и гарантией увековечивания в антологии. Примитивный эстетический уровень, шаблонность и беспомощность образов, унылое мелкотемье их «поэзии» в расчёт не берутся».

Ранее Александр Бойников издал книгу «Липачи». В ней приведены фрагменты из поэтической книги руководителя тверского отделения СП РФ, лауреата гумилёвской премии В. Редькина, на мой взгляд, даже переплюнувшего Карасёва:

*Метёт метель свою позёмку,
Трамвай трагически пропал,
Погреться бы сейчас с девчонкой,
Но денег нет и кончен бал.*

А вот другое, не менее яркое четверостишие:

*Из восточных изысканных блюд
Что-то новое мне подают,
С хрустом я откусил эту жуть –
Вздрыгнул: собственный фаллос жую.*

Стоило ли профессору, доктору филологических наук, заслуженному работнику высшей школы, автору немалого количества профессиональных критических статей заявлять о себе подобным, прости, «творчеством»?

Заслуженно прошёлся острым взглядом Александр Бойников и по творчеству одного из предшественников Редькина на посту руководителя регионального отделения Союза писателей РФ В. Самуйлова. Вряд ли понравится ему, в прошлом заместителю мэра Вышнего Волочка, бывшему ответственному чиновнику Законодательного собрания, рецензия «Собрание измышлизмов «пушкиноведа» Самуйлова». Посвящённая книге «Тверские встречи с Пушкиным», она заканчивается абзацем: «Разве все эти пустопорожные измышлизмы «весьма глубокомысленного краеведа» – пушкинистика? Нет, ни в коей мере. Перед нами – её чистейшей воды профанация, закамуфлированная для блезира под документальное сочинение».

Между прочим, Самуйлов удостоен множества премий, званий, наград, «перечисление которых, как подчеркивает А. Бойников, «занимает без малого полстраницы машинописного текста». Приведём с сайта тверского отделения Союза писателей РФ часть из них: член-корреспондент Академии российской словесности. Лауреат литературных премий им. М. Е. Салтыкова, Российского фонда мира, Губернатора Тверской области, Национальной экологической премии России. Дипломант IV Всероссийского конкурса на лучшую творческую работу в области тифлокраеведения, Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие». Награждён медалями Шолохова, Вернадского, медалью и орденом Святого Благоверного князя Даниила Московского Русской Православной церкви, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, почётным знаком «За заслуги в развитии Тверской области».

Впрочем, никакими цацками, на которые щедро по отношению к своим чиновничья рать, не прикрыть убогость насаждаемой ею «иерархии ценностей». Читающий народ молча её отвергает. Бывая в сельских библиотеках, я иногда спрашиваю, кого из тверских писателей, поэтов они знают, называю при этом Самуйлова, Горлова, Лосеву, Карасёва, Левитина, Капитанова и ряда других «мастеров словесности», лауреатов, обладателей почётных знаков и званий, дипломатов. В ответ встречаю недоуменные взгляды: «Кто такие?»

И ведь сколько неумной, агрессивной гордыни у иных! Александр Бойников приводит в своей книге выдержки из письма ему Николая Капитанова: «И я не графоман, как вы сказали. Вас и за 10 км нельзя поставить ко мне. Кто вы есть? Всего лишь критик, пишущий статейки, которые никому не нужны, тем более – литературе. Критики – это клопы, живущие за счет писателей...» «Если вздумаете на мое письмо ответить, я ваше письмо, не читая, выброшу в помойку, но сначала рас-

топчу ногами – в знак моего презрения». Капитанов не единственный в Тверском отделении СП РФ, кто мыслит подобно. Вряд ли облагоразумят их строки И. А. Крылова:

*Таланты истинны за критику не злятся;
Их повредить она не может красоты;
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.*

Характерно, что снижение качества творчества не мешает постоянному росту количества членов СП. За годы «демократии» стало на тверской земле в три раза больше, чем во времена СССР (сейчас число членов приближается к шестидесяти), но в общественной жизни отделение СП РФ совершенно незаметно. Как мне видится, для большинства его представителей характеристикой могут быть слова Тригорина из чеховской «Чайки»: «...а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд и, в конце концов, чувствую, что я умею писать только пейзаж». Они, эти люди, отстранены от проблем страны, области, не защищают публично русские традиционные ценности, русское слово, русскую провинцию. Многие просто не способны на это по своему уровню!

Не знаю, известно кому-либо из них выражение Михаила Зощенко: «Испуганный писатель – это потеря квалификации». Как-то я напомнил об этом одному из членов правления отделения СП РФ – этот автор специализируется на православной тематике и тоже не обделён наградами со стороны областной власти. В ответ он развел руками: «Ну, что поделаешь?» Но зато «инженерами человеческих душ» была проявлена завидная сплочённость при исключении из рядов отделения СП Александра Бойникова. Сейчас он, работая по-прежнему в Тверском госуниверситете, состоит на учете в Липецком отделении СП, избран членом правления.

Показателем низкого престижа Тверского отделения Союза СП РФ может служить то, что в Твери нет ни своего литературного журнала, ни своей литературной газеты. Больше того, у тверских писателей нет уже долгие годы даже собственного помещения. В то время, как в Вологде, например, стабильно выходят журнал «Вологодский ЛАД», газета «Вологодский литератор», а отделение СП имеет в своем распоряжении старинный особняк.

Правда, там и традиции другие – беловские. В отличие от Твери, где предпочитают «бренды» иного свойства.

Дементьевские «благотворения»

«Инновации», с завидной регулярностью приносимые в тверскую действительность поэтом Андреем Дементьевым, и в особенности та свистопляска, которую устраивают вокруг «фигуры федерального масштаба» тверские чиновники, не только возбуждают общественное мнение, но и во многом являются подтверждением вышеупомянутой подмены ценностей.

Началось это в не столь давнюю эпоху губернаторства Дмитрия Зеленина, при котором поэт зачастил в Тверь. Именно тогда начала раскручиваться Ассоциация тверских землячеств, возглавлял которую Дементьев, слышались высокопарные заявления, что она, де, берёт на себя ответственность за развитие области. Некоторые тверичи начали в неё даже вступать (это на своей-то родной земле!). Жизнь доказала: несмотря на то, что Ассоциация (несколько лет назад Дементьев отошёл от руководства ею) отметилась рядом полезных мероприятий, существенного вклада в «развитие области» не внесла. Больше того, её участие в распространении ряда книг вызвало массу вопросов хотя бы потому, что среди них оказались свыше десятка 600-800 страничных фолиантов, являющихся откровенным плагиатом.

В ту же примерно пору жители Твери узнали, что скоро в городе появится собственный Дом поэзии. Пошли разговоры: это, мол, бескорыстный подарок благодарного тверской земле поэта. Но вскоре выяснилось, что это подарок поэту, обещанный Зелениным, но сделанный не на деньги Зеленина, а за счет бюджета. Открытие Дома поэзии, состоявшееся уже при губернаторе Андрее Шевелеве, сопровождалось восхвалениями Дементьева и заявлениями типа «Тверь превращается в столицу мировой поэзии». Говорят, Шевелев не особо благоволил Дементьеву, и не без его участия был снят вывешенный в центре Твери огромный портрет поэта с надписью «Гордость земли Тверской». Как здравомыслящий человек, Андрей Владимирович, должно быть, понимал: не было у А.С. Пушкина при жизни ни портретов в центре Москвы или Санкт-Петербурга, ни «Пушкинского дома», и – ничего, как-то и без этого обходился, стал всемирно признанным классиком. И у Ф.И. Тютчева не было, и у других. Но скромность – была.

Заметим, на «дом», в котором предусмотрены рабочий кабинет и комнаты отдыха для самого поэта и его гостей, потрачено 78 миллионов рублей бюджетных средств. И это на фоне того, что ежегодная бюджетная сумма, выделяемая на культуру среднего района области, не превышает 8-10 миллионов рублей. Следом в Твери (полагаю, тоже не на деньги поэта) получили хождение хозяйственные пакетики с рекламой «Дома поэзии Андрея Дементьева». То есть поэзия и коммерция как бы сошлись в «одном флаконе», что неудивительно, ибо в представлении либералов превращение культуры в бизнес – явление естественное и необходимое.

Прошло немного времени, и, благодаря Дементьеву, появился новый повод для ажиотажа. Тверь, со времени возвращения ей исторического названия, имела неофициальный гимн, написанный Владимиром Филипповым и Владимиром Воробьевым, люди к нему привыкли, однако неожиданно местная власть возжелала иметь официальный гимн. Автором его слов оказался, понятно кто – Андрей Дементьев. Несуразиц в гимне немало, но как говорится, дарёному коню в зубы не глядят. Однако со временем открылось – «конь» не дареный. По слухам, сие творение обошлось бюджету города Твери в сумму, исчисляемую несколькими миллионами рублей.

А чуть позже возле Дома поэзии появился памятник поэтам-шестидесятникам, изваянный Зурабом Церетели, к числу которых почему-то оказался причисленным и Дементьев, на что Александр Бойников (воздадим должное его принципиальности) отозвался аргументированной статьёй «...и примкнувший к ним Дементьев». Правда, напечатать её в «свободных» тверских СМИ не смог. Не решились они предать огласке, что «Андрей Дементьев не имеет к феномену шестидесятичества никакого принципиального отношения, разве что чисто хронологическое. В 1955-1963 гг. несколько его тонких книг издано в Твери (тогда Калинин), и огромной аудитории в московском Политехническом музее и тем паче на столичных стадионах он в то время не собирал и властителем молодёжных дум – увы – не был».

И далее: «...то, что свершилось в Твери 16 июля 2016 г. с достойной лучшего применения помпезностью и ночном фейерверком за счет средств городского бюджета, обязательно войдет в историю, как образец безвкусной ангажированности и пускания в глаза широкой общественности пиаровской пыли по причине неоправданно разросшегося тщеславия одного человека, которому очень хочется застолбить себе место в русской литературе. Если не стихами, то хотя бы громоздкой и невыразительной металлической конструкцией, испортившей вид старинного купеческого особняка, между прочим, памятника архитектуры».

Мнение Александра Бойникова, разделяемое многими жителями Твери, не охладило пыла поэта и его друга Церетели. В июле 2017 года Тверь была отмечена событием, приуроченным к 89-летию Дементьева и 4-летию Дома поэзии. Речь идёт о конкурсе российских молодых поэтов «Зелёный листок», который вряд ли можно считать удавшимся. В статье Петра Тимошенкова «Тверская поэзия и ломаный грош», напечатанной в газете «Караван», отмечалось: «...молодых поэтов из Твери, указанных в списке участников слета, обнаружить не удалось. Не выступили и объявленные ведущим со сцены 15 июля Владимир Селянкин и Марина Крутова-Кулинич – победители первого, тогда ещё регионального конкурса «Зелёный листок». Отсутствовал на разрекламированном мероприятии и тверской поэт Владимир Львов, прежде входивший в состав конкурсной комиссии. Думается, не случайно – тем самым тверские поэты, скорее всего, выразили отношение к Андрею Дементьеву, а точнее к его назойливым «инновациям».

Не обошлось и в этот раз без высоких почётных гостей из столицы, среди которых, конечно же, был и Зураб Церетели. 16 июля палисадник, отделяющий Дом поэзии от тротуара, получил название Сквера поэзии. На церемонии его открытия были сняты чехлы с пересекающих «сквер» церетелевских композиций, представляющих собой метрового диаметра плоские цилиндры, которые, как пишет Тимошенков, «рождают единственную ассоциацию – это ломаный медный грош. На свезённых относительно друг друга половинках грошей начертаны поэтические строки поэтов – по два поэта на монету. Здесь и дамы: Казакова, Мориц, Ахмадулина, Шпаликов, и Костров, и кто-то ещё. Я не нашел только Владимира Соколова – уроженца Лихославля, ровесника Дементьева, также лауреата госпремии, «тихого» поэта-шестидесятника».

Автор задаётся вопросом, «что означают медные монеты? Поэт не стоит ломаного гроша? Или поэт стоит ломаного гроша? Почему эти поэты, а не те?» Эти вопросы так и остались без ответа. К ним напрашивается ещё один: а может, не стоит ломаного гроша для тверской культуры вся эта странная композиция? Между тем, Зураб Церетели, выступая, подчеркнул, что Тверь может ожидать от него новых

подарков. У него, мол, есть Дементьев стоя и Дементьев – сидя, и ещё кое-что, чего хватит на целую аллею поэтов. Можно предположить: на продолжение дарения Церетели вдохновило то, что губернатор И. М. Руденя удостоил его высшей награды области «Креста святого князя Михаила Тверского».

Сдается, ни скульптору, ни Дементьеву неведомо применимое к данному случаю предостережение философа Артура Шопенгауэра: «...ставить кому-либо памятник при жизни значит объявить, что нет надежды на то, что потомство его не забудет». Поэтому нельзя исключать того, что на следующий год, подобное публичное объявление состоится. Уж больно навязчиво внедряется в общественное сознание мысль об исключительности Андрея Дементьева, хотя как поэт, он, по моему разумению, куда менее значим, чем наши земляки Владимир Соколов, Николай Тряпкин, а также уже упомянутые Константин Рябенский, Владимир Соловьев, Александр Гевелинг. Кстати, и сам неугомонный Андрей Дмитриевич не остался без очередной награды. Получил из рук губернатора в связи с 89-летием почётный знак «За благотворительность. Великая княгиня Анна Кашинская», что вызвало явное недоумение у тверской православной общественности. Дело в том, что тяга к славолобию, его поощрение, воспринимается по православным канонам как тяжкий грех. Поскольку чиновники у нас теперь сплошь православные и патриоты, думаю, им достанет разума осознать, что подлинная благотворительность это всё-таки нечто иное. Тем более что известно немало случаев, когда люди искренне жертвовали личные средства на благие цели. Причем делали это и продолжают делать, как и подобает православному человеку, скромно, без всякой шумихи и наград.

Ежегодно патриотические тверские поэты участвуют в празднике фронтовой поэзии в селе Борки, под Великими Луками. Лауреат Ленинской и Государственной премии Иван Васильев на свои литературные гонорары создал здесь два музея – краеведческий и экологический. Собрал картинную галерею. И никто не решился при жизни писателя даже заикнуться о том, чтобы краеведческому музею было присвоено его имя. Васильев, в силу моральных качеств, не позволил бы (к тому же, в советское время существовал на этот счет установленный органами власти строгий порядок). Русский писатель Василий Белов в родной Тимонихе на свои гонорары и с приложением собственных мастеровитых рук восстановил православный храм. Жительница поселка Бобровец Андреапольского района Наталья Манежева на средства, вырученные от продажи квартиры в Москве, построила в Андреаполе «Дом искусств», но отнюдь не «Дом искусств Натальи Манежевой». А недавно узнаю: получающая скудную пенсию Татьяна Павловна Сочилина, талантливый фотограф, собирательница камней и огородница, продав гараж, подарила 100 тысяч рублей для проведения ремонта в районной больнице.

Так что неплохо бы тверским СМИ оповестить общественность, сколько и на что из личных средств пожертвовал на тверской земле обладатель почетного знака «За благотворительность. Великая княгиня Анна Кашинская». Какой и где построил музей, храм, какой больнице (клубу, библиотеке) лично помог? Ведь в таком почётном деле важна конкретность. И вообще, пора, наконец, поставить точку в этом бесконечном потоке празднеств, фейерверков, комплиментов, и, опустившись на грешную землю, обратить вдумчивое внимание на то, следствием чего стало вышеописанное, а также на проблемы тверской литературы, в которых, надо заметить, зеркально отражаются проблемы литературной жизни в России.

Прилепин в «формате»

«А литература есть ПРАВДА, – писал Василий Шукшин. – Откровение. И здесь абсолютно всё равно – кто смелый, кто сложный, кто «эпопейный», кто – гомосексуалист, алкоголик, трезвенник. Есть правда – есть литература»... «Какие же деревенщики! Мы – народные писатели!» Думаю, будь Василий Макарыч жив, он бы ужаснулся тому состоянию, в которое загнаны либерал-глобалистами народные писатели, и, рванув рубаху на груди, воскликнул бы гневно: «Что ж вы, смердяковы, делаете?!» А потому делают, что глубинная народная правда и нравственное здоровье народа «элите» не нужны, ибо непросвещенным народом легче манипулировать. Вот донцовы – те в самый раз, оттого и не слезают с телеэкрана.

Можно спорить, была ли сочинена именно Даллесом «доктрина Даллеса» или это сделал кто-то другой, не в этом суть. С помощью изошрённых политтехнологий, допустим, «Окна Овертона», «доктрина» сатанинским образом взрастила в России немалое количество всевозможных «псевдо» – псевдописателей, псевдорежиссеров, псевдополитиков, псевдоученых, псевдолитературы,

псевдоистории, псевдоблаготовертности и т.д. Заражённые глобалистской бациллой толерантности, мы привыкаем к этому, смиряемся с этим, не понимая, что это обезличивает, обесценивает и нас самих, превращая в псевдограждан без роду-племени и без исторической памяти.

Именно из-за сатанинского абсурда глобализации в театрах и кино витийствуют русофобы и креативщики с педерастическим мышлением, а несокрушимые ранее столпы национальной культуры и литературы подвергаются пересмотру, а то и откровенной обструкции. К примеру, нам на полном серьёзе твердят, что Бродский равен по таланту и значению в русской культуре «нашему всё» Пушкину. Жванецкого сравнивают с Достоевским. Разговаривая с живущим в Вологде нашим земляком (родился в деревне под Торжком) писателем Геннадием Сазоновым, поинтересовался, не поставили ли памятник Василию Белову. «Да что ты?! – удивляется. – Кому нужно?».

Не ставят по той же причине, что и Георгию Свиридову в Москве. Оба они масштабные представители национальной русской культуры, а не «граждане мира». А вот Солженицыну очередной памятник (или очередные) уж точно установят. Ведь этот человек 30 июня 1975 года заявил, находясь в США: «Я друг Америки... США давно проявили себя как самая великодушная и самая щедрая нация в мире... ход истории сам привёл вас – сделал мировыми руководителями... Пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела...». Что они сейчас делают ещё более нагло и открыто, чем при жизни призывающего «жить не по лжи» Солженицына, оклеветавшего Шолохова, Сталина, придумавшего немыслимое количество, в 100 миллионов человек, сталинских репрессий.

Кстати, прозорливый ум Георгия Свиридова предвидел перерождение элиты в сторону предательства национальных интересов, и тот хаос и раздраз, который она, унаследовав опыт троцкистов, внесёт в русскую культуру и литературу. Сохранился черновик письма Василию Белову, в котором композитор пишет: «Вас постараются сейчас рассортировать и поссорить, рассорить (верное ли это слово?). Способ старый, но очень действенный. Для этой цели одного – одного возвышают, другого – унижают». Причём, унижают и замалчивают то, что продолжает национальные традиции русской литературы. Игорь Гревцев в «Русском вестнике» отмечает: «... книжный фестиваль «Красная площадь» – событие радостное, но грустные мысли навеивает оно. Это здорово, что мы храним национальную литературу, рождённую в позапрошлом веке. А грустно оттого, что в свет не выходит национальная литература XXI столетия. Как будто у нас сегодня не существует истинно русских одаренных поэтов и писателей. Они есть, но кто-то объявил их «неформатом» и то ли запретил, то ли убедил издателей не печатать их книги. Вот и не печатают наших современных талантливых соотечественников... Если дело и дальше пойдет так, наши потомки останутся без русской классики XXI века. А значит, они уже не будут русскими. Ведь национальную духовность и язык хранят не издатели, не журналисты, не ученые, а национальные поэты и писатели. Они главные созидатели русской культуры».

Следует уточнить: «неформатом» объявил современных национальных писателей всё тот же глобализм. Под глобалистские запросы подстроено премирование писателей, вручение им грантов, госнаград, предоставление им места на ТВ. Как-то на ОРТ представляли «европисателя». Самодовольный, вальяжный такой тип... По его мнению, главное – умение продавать свои книги и мысли. Надо понимать – и душу продавать. А ещё ляпнул сей «член Союза писателей России и Европы», что важно рождать в себе не только писателя, но и продюсера. Стало быть, если ты не продюсер, но написал хорошую книгу, о ней никто не узнает, а если – продюсер, можешь обогатиться на дерьме. Особенно хорошо оплачивается нынче поношение СССР, Сталина и русского народа. При этом предпринимаются усилия, чтобы на примере отдельных писателей создать видимость поддержки национальной литературы.

Один из таких писателей – Захар Прилепин. Постоянно и в разном обличье мелькает он на телеэкранах, где его представляют не только писателем и публицистом, но и политиком, философом, филологом, актёром, ведущим телепрограмм, редактором, режиссёром, певцом, композитором, музыкантом, общественным деятелем, рэпером, благотворителем и т.д. и т.п. Согласно Википедии, в октябре 2014 года Прилепин вошел в число ста людей года в России (по данным журнала «Русский репортер»). В ноябре занял восьмую строчку в списке самых перспективных политиков России (согласно исследованиям близкого к Кремлю Института социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ)). В апреле 2015 года в аналогичном списке поднялся уже на пятую строчку. В том же апреле роман Прилепина «Обитель» занял первую строчку в рейтинге самых продаваемых книг года по данным сайта «Pro-Books.ru».

По результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2015 году Прилепин занял вторую позицию как «Писатель года в России» (уступив Дарье Донцовой). В 2016-м, по опросу ВЦИОМ, как «Писатель года в России» разделил третье место с Борисом Акуниным, Александром Прохановым и Виктором Пелевиным, а по данным компании «Медиалогия», стал самым упоминаемым в СМИ писателем, опередив Андрея Усачева и Людмилу Улицкую. Если так дело пойдет и дальше, то у Захара (Евгения) Николаевича есть все шансы опередить «акул пера» Донцову, Акунина и Улицкую. Всё к тому идет. Вот это будет успех!

Но можно ли считать Прилепина русским национальным писателем? В первую очередь поводом для сомнений в этом служит его творчество, тщательно ограждаемое от какой-либо критики теми, кто пытается прилепить к Прилепину ярлык «выдающегося современного писателя». Но критика всё же иногда прорывается сквозь заграды и доходит до читателя. Речь, в частности, о статье Александра Кузьменкова «Гуфта, гражданин начальникек...» (журнал «Урал», июль 2014).

Кузьменков отмечает: «...нужна поистине недюжинная фантазия, чтобы разглядеть в неизлечимо неряшливой и глубоко вторичной «Обители» литературное событие года»... «Вообще, я думать не люблю», – признался однажды Прилепин. Новый опус – лишнее тому свидетельство. Каждая попытка рассуждать кончается либо термоядерным паралогизмом («Человек тёмный и страшен, но мир человечен»), либо до дыр истрёпанной банальностью («Русскому человеку себя не жалко»)...

Одолев первую сотню страниц, я остановился в лёгком недоумении: да что такое, право? – ни полукруглых сосков, ни блинов с изразцом по окоёму. Парадокс! Разгадка обнаружилась в выходных данных: «Литературный редактор Е.Д. Шубина». Вот, стало быть, и причина скоропостижной грамотности.

Переводить с прилепинского на русский брались и М. Котомин, и А. Шлыкова. Удачнее прочих с задачей справлялась именно Елена Данииловна, и примером тому «Грех». Но к середине «Обители» редакторский поводок заметно ослабевает, и бесконвойный З.П. становится вполне узнаваем. «Галья сидела в гимнастёрке и больше без всего» – наверно всё-таки без ничего? «Потянул с плеча винтовку... с надетым штыком», – штык, воля ваша, не носок, его не надевают, а примыкают. «Самостийный зверь» – що, відкриваємо Майдан звірчюї незалежності? «Три пышных, сладострастных булки», – без комментариев. «Все это играло не меньшее, а большее значение», «какая-то птица начинает кружить на предмет его печени», – помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!»

Автор статьи подмечает в «Обители» не только многочисленное огрехи стилистики, но компилятивные, а подчас откровенно абсурдные моменты. Между тем, не любящий думать Захар не страдает и присутствием скромности, что и подтвердил в своем блоге: «Я написал хорошую книгу. Вот увидите». Увидели, что, в действительности, представляет собой это книга. Не только Александр Кузьменков, но и многие другие увидели...

Заставляют усомниться в принадлежности Прилепина к русским национальным писателям и его отдельные высказывания. Например, в беседе «Мы уже победили!», напечатанной газетой «Завтра» (№ 27, 2017) Захар заявляет: «За нищенские деньги, совершенно непонятные москвичу, – 16000 рублей, – 26-тысячная армия ополчения в течение трёх лет сражается и умирает, отдавая за наивысшие человеческие ценности собственную жизнь», «Совершенно поразительно, когда люди депрессируют, впадают в панику, пребывая в мирных городах с отличными зарплатами. А люди, которые ничего не имеют за душой, в любую секунду могут получить смертельный удар или увечье, пребывают в отличнейшем настроении духа. Это поразительно! Привыкнуть к этому невозможно».

Почему для Прилепина «это поразительно» и «привыкнуть к этому» ему «невозможно»? В психологии истинно русского человека «отличная зарплата» и любовь к Отечеству, готовность его защищать вещи нетождественные. По своему духу он не коммерсант, а государственный. Следовательно, русского писателя не должно поражать то, что русские люди без «высокой зарплаты» «пребывают в отличнейшем расположении духа» и, защищая русский мир, достойно противостоят пронацистскому киевскому режиму? А вот ещё один фрагмент беседы: На вопрос: «Почему наши «интеллигенты» так яростно и оголтело поддерживают украинских нацистов, хотя в большинстве случаев это им не с руки?» Захар отвечает: «Я три года на эту тему размышлял, но ответа так и не нашёл». Между тем ответ очевиден – «новая интеллигенция» в «новой России» изначально создавалась как русофобская (примеров несть числа), отсюда и ее солидарность с украинскими русофобами. Прилепину ли, работавшему в либеральной «Новой газете» и на либеральном телеканале «Дождь», этого не знать?

Думается, большинство русских писателей, отправленных космополитическим олигархатом ещё в 90-е в состояние внутренней эмиграции, не имеющих (в отличие от Прилепина) доступа к влиятельным СМИ и работающим во благо России без всякой зарплаты, премий, грантов, а по зову сердца, понимают не только причину «непонятливости» Прилепина, но и того, почему премии на него сыпятся словно из рога изобилия.

Вернуться на родные просёлки

Русский богослов, философ Георгий Флоровский подметил весьма важную и объективную деталь: «...есть бесспорная правда в живом пафосе родной территории, – дорога и священна родимая земля, и не оторваться от неё в памяти и любви. Но не в крови и почве подлинное и вечное родство. И географическое удаление не нарушает его, если сильны и крепки высшие духовные связи». Однако вряд ли кто возьмётся оспаривать тот факт, что российская «новая элита» была сформирована при непосредственном участии Запада и под западные интересы, и её невозможно даже заподозрить в родстве с почвой и, тем более, в высших духовных связях. Скажем прямо: она толкает русский народ на путь духовного самоубийства, что неизбежно приведёт его и к самоубийству геополитическому.

В существующей, благодаря этой «элите», атмосфере подмены смыслов и понятий невозможно рассчитывать на то, чтобы национально ориентированное писательское дело вновь обрело высокое общественное звучание и значение. Её следует решительно менять. Но изменить можно лишь в том случае, если власть будет рассматривать культуру как средство духовного, нравственного воспитания народа, и социальным заказчиком не только культуры, но и науки, образования, выступит государство. Не деньги олигархата, не либеральная или псевдопатриотическая тусовка, способная только произносить красивые слова, должны определять литературный процесс в России, а сила нравственной необходимости, поддерживаемая осмысленной государственной политикой.

Впрочем, многое зависит и от нас самих. Вот говорят: надо решать проблему русских, Россия, мол, не имеет юридического статуса как государства русских и т. д. Да, надо решать, да нужен статус, но никто за нас, русских, не будет этого делать. Глобалистская нерусь нагло заявила нам, что «место русских у параш», что «Россия, как государство русских, не имеет будущего», убила русскую провинцию, выбросила из общественного сознания современных русских национальных писателей, даже название нашей национальности из наших паспортов выбросила, а мы всё чего-то ждём, униженно о чём-то просим, надеясь на благорасположение сильных мира сего. Но что делал прежде русский писатель в лихую для Родины и русского человека годину? Он не приспособивался к обстоятельствам, не думал об «отличнейшей зарплате», высоких гонорарах, премиях, прижизненном увековечивании своего имени, а твердо и последовательно отстаивал русские традиционные ценности, главная из которых – совесть.

Иван Васильев в своих «Раздумьях» писал: «Истинная публицистика – это сжигание самого себя, своих чувств и нервов, души и разума... Наш путь тогда чего-то стоит, когда на просёлки свои возвратясь, не стыдно людям в глаза посмотреть». Мы должны отчётливо сознавать, что ворчиновник, грабящий и без того обездоленного русского человека, мерзавец-политолог, поносящий историю нашей Родины, наши традиции, трусливый лицемер-приспособленец с пером, покупающийся за деньги, – все они потому и наглеют, и юродствуют, что не встречают должного сопротивления. Пора, давно пора нам, русским писателям, последовав примеру своих предшественников, возвращаться на изуродованные, опустошённые либеральной похотью, страстью к наживе, но по-прежнему милые и дорогие каждому честному русскому сердцу, родные просёлки: тверские, псковские, новгородские, вологодские, владимирские, рязанские, другие, чтобы внести свой творческий вклад в духовное возрождение нашего народа. Если это произойдет, мы увидим, что национальная русская литература почти за три десятка лет циничного либерального прессинга не умерла и готова заявить о себе в полный голос.

Но будет ли это? Не проснёмся ли мы в одно прекрасное утро с ощущением того, что живём в национально обезличенном, в том числе и по нашей вине, псевдогосударстве? А может, мы этого даже не заметим?